

ГРНТИ 03.61.91

Научная статья

<https://doi.org/10.32523/2616-6887-2025-152-3-316-334>

К вопросу о генезисе традиционного жилища тюркских народов

Г.О. Ибраева

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

(E-mail: gulzhan.ibraeva.1984@mail.ru)

Аннотация. В статье предпринята попытка культурологического освещения теоретико-методологических проблем генезиса традиционного жилища тюркских народов в рамках исторической этнологии через ценностное содержание культуры, являющегося основой самоорганизации любого этноса.

Статья содержит краткую дескрипцию культурного кода традиционных мобильных жилищ тюркских народов на основе сравнительно-культурологического анализа открытых исторических данных, полученных в результате археологических и этнографических исследований разных времен, как попытка найти общие смысловые элементы единого культурного кода.

В качестве аналога было выбрано традиционное мобильное жилище древних автохтонных насельников Великой степи и казахского народа – киіз үй, одного из современных представителей тюркского этноса, чей общий прототюркский этно и глоттогенез, историческая зона обитания и культурно-историческая общность были связаны с обширной областью евразийских степей.

Ключевые слова: традиционное мобильное жилище, семиозис, культурный код, культурные ценности, национальные архетипы, пространство культуры.

Введение

В культуре Востока и Запада жилище может быть локальным, точечным и мобильным (по другой версии – переносным). Существует несколько типов традиционного мобильного жилища тюркских народов, изучение которых позволяет составить представление об их мировоззрении, поскольку организация жилища является ключевым аспектом вещественной стороны культуры и одним из важных исторических элементов традиционной материальной и духовной культуры.

Поступила: 02.12.2024; Принята: 25.09.2025; Доступна онлайн: 30.09.2025

Обращение к традиционному мобильному жилищу тюркских народов как к предмету сравнительно-культурологического анализа предполагает учет значимости телесного, вещного и природного компонентов существования человека во времени и пространстве. Философская триада «человек-вещь-природа» на основе сравнительно-культурологического анализа позволяет определить традиционное мобильное жилище тюркских народов как особую модель с несколькими составляющими, которые лежат в основе культурного кода: географические детерминанты (степь, простор – власть над пространством, мобильность); история (героический тип культуры, свободное взаимодействие с окружающими культурами, самобытность); язык (универсальность, коллективизм, толерантность).

«Культура каждого этноса заслуживает рассмотрения с точки зрения собственных критериев. Она содержит в себе ответы на глубинные экзистенциальные потребности человека, но делает это собственным, аутентичным его внутреннему характеру, способом. Актуальным сегодня является подход, согласно которому, исследование того или иного этноса осуществляется в понятиях его культуры, её мировоззренческих составляющих» [1].

Беря во внимание данный тезис, мы исходим в своем исследовании от понятия «жилище» в системе традиционного мировосприятия тюркских народов как философской категории «пространство в пространстве» на основе триады «человек-вещь-природа».

Материалы и методы исследования

Исследование представляет собой краткую дескрипцию культурного кода в рамках сравнительно-культурологического анализа традиционного мобильного жилища для выявления общего и особенного в материальной культуре таких тюркских народов, как казахи, кыргызы, узбеки, тувинцы, хакасы, якуты, алтайцы, башкиры, татары, туркмены, ногайцы, зоной обитания которых с III-II тыс. до н.э. являются обширные просторы степного пояса Евразии. Выбор именно данных тюркских этносов обусловлен тем, что в рамках номадистики их образ жизни, самобытная культура и тип хозяйствования соотносится с основными элементами евразийской конно-полукочевой культуры [2]:

1. *Кочевой образ жизни*: на основе скотоводства («пять видов» - лошадей (наиболее престижное животное), крупный рогатый скот, овец, коз, верблюдов), что сформировало устойчивую культуру кочевников, важную для выживания и процветания в условиях степи.

2. *Военная организация*: военная мобильность была важным аспектом самоорганизации для кочевых обществ как в древности, так и в средние века.

3. *Торговля и коммуникации*: Великая степь служила мостом между Востоком и Западом, что способствовало развитию торговли, особенно вдоль Великого Шелкового пути. Кочевники древности и тюрки в средние века активно участвовали в торговых отношениях с соседними оседлыми цивилизациями.

4. *Культурная и политическая преемственность*: тюрки, пришедшие в средние века, переняли и адаптировали многие элементы культуры и социальных структур предыдущих кочевых народов, таких, как гунны и саки. Это проявилось в языке, мифологии, государственных институтах и военной организации общества.

Обращение к сравнительно-культурологическому анализу было продиктовано многоаспектным характером исследования и раскрывает новый интегративный пласт изучения традиционного мобильного жилища тюрков как одного из элементов культурного кода материальной культуры тюркских народов. Такие аспекты исследования, как названия жилищ, семантика, сходство в мировоззрении и др., были в приоритете научных изысканий на предмет генетического родства, выявления общих элементов материальной культуры, что позволило выявить мультиплицированные модели пространства традиционных жилищ представителей тюркских народов. «Дом – это мир, приспособленный к масштабам человека и созданный им самим. Человек сам создает себе мир по образу внешнего мира, но приспособляя его к своим размерам» [3].

Рассмотреть основные теоретико-методологические проблемы генезиса традиционного жилища тюркских народов в рамках исторической этнологии через ценностное содержание культуры, являющегося основой самоорганизации любого этноса.

Вопросы, поднимаемые в данном исследовании, находятся на стыке культурной антропологии, философии культуры, исторической этнологии и семиотики. В качестве методов исследования были использованы: метод исторического описания; метод истории культуры; компонентный и сопоставительный анализ; метод синхронного исследования культурологического материала; семантический анализ; социокультурный подход; метод культурно-фоновой интерпретации.

Самые первые сведения об архитектуре кочевников появились в трудах, литературно-поэтических и путевых заметках Геродота, Ал-Якуби, Земарха, Плано Карпини, Гильома Рубрука, Ибн Баттуты, Ибн-Фадлана, Бо-Цзуй-и и др., которые описывали купольные сооружения кочевников, начиная с V в. до н.э.

Многие зарубежные ученые, такие, как Н. Харузин, Б. Залесский, П. Маковецкий, Л. Кызласов, А. Попов, Н. Щепетильников, Г. Пугаченкова, Д. Пюрвеев, С. Аджигалиев, А. Драги, Д. Майдар, В. Ткачев, А. Янбухтина, исследовали древнетюркские юрты (пратюркские жилища), выделяя такие их признаки приоритетности и последующего заимствования монголами, как: факторы формирования кочевого зодчества; возникновение и становление кочевой архитектуры; типологические схемы развития жилищ.

Понятие жилища в культуре многих народов связано с понятием пространства, особенно у тюркских кочевнических обществ, чей образ жизни был связан с перемещением в пространстве благодаря жизнедеятельности в условиях степной зоны и необходимых перекочевков.

Так, Л. Дружинин, В. Стрелецкий, А. Новиков исследовали географию культуры как закономерности культуры в процессе формирования, развития и функционирования территориальных общественных систем. В. Семенов-Тянь-Шанский, В. Богораз-Тан и др. осуществили трактовку культуры как совокупность всего созданного человеком на земле во всем историческом и географическом разнообразии.

Такие советские ученые археологи и этнографы, посвятившие свои исследования различным вопросам традиционного мобильного жилища, как С. Муқанов, А. Маргулан, С. Вайнштейн, С. Толстов и др., исследовали типы индустриально-мобильных жилищ древних кочевников, изучая технологические процессы создания материалов для них, а также вопросы генезиса мобильного жилища в древнетюркское время: «Прообразы

легкого разборного или переносного жилища появляются уже в конце бронзовой эпохи, в карасукское время (IX-VIII вв. до н.э.), когда с переходом к яйлажному скотоводству и с сезонными передвижениями появилась необходимость в жилищах типа юрты. Первоначально юрта, видимо, развилась из рубленного жилища, имевшего в плане круглую или многогранную форму с разборным шатровым куполом» [4].

Данные исследования повлияли на приоритетность в научных изысканиях такого направления, как географический детерминизм, в рамках которого культура рассматривалась как «своеобразный базис, «развертка» таких понятий, как пространство, среда и время..., поэтому в каждой работе по культурно-географической тематике явно или неявно присутствует какая-либо интерпретация культуры, что влияет на широту, глубину и суть исследования» [5].

Эта точка зрения нашла свое отражение и в коллективном труде отечественных ученых «Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории»: Материальная культура и ее составляющая – жилище человека как продукт его деятельности – должны рассматриваться в тесной взаимосвязи с географической средой (ландшафтом)» [6]. Как утверждает С. Аязбекова [7]: «Географический ландшафт для тюркского этноса – это не просто место проживания, ареал распространения, а равноправный партнер, с которым на протяжении многих веков выстраивались гармоничные отношения».

Философский вопрос изучения пространства как понятия, связанного с культурой, поднимался в трудах таких известных французских философов, как М. Фуко, Ж. Делёз, А. Лефевр и др., изучавших методологический принцип историко-культурных явлений и практик прошлого. Э. Кассирер первым в науке обратил внимание на культурные феномены на стыке философии культуры и культурологии. Л. Гумилев поднял вопросы влияния пространственных факторов на историю культуры и народов евразийского континента.

В работах М. Элиаде, А. Байбурина, М. Лотмана, Т. Цивьяна, Г. Башляра и др. посредством изучения космогонических представлений о доме (жилище) как центре Вселенной рассматривалась семантика жилища как целостного объекта традиционного материальной культуры.

Необходимо отметить, что сама тема исследования во многом базируется на научных принципах нomaдологии, яркими представителями которой являются такие ученые, как Н. Бичурин, В. Радлов, П. Мелиоранский, Д. Бондаренко, Н. Крадин, В. Бартольд и мн. др., предметом изучения которых стали история кочевых народов Центрально-Азиатского региона; типы сложных обществ у кочевников Евразии (союзы племен, вожества, каганаты и пр.); структура власти нomaдов; особенности взаимодействия между кочевниками и земледельцами и мн. др.

Вопросы тюркологии в рамках сравнительно-исторического подхода рассматривались в обзорных работах С. Кляшторного, А. Щербака, С. Малова, И. Кормушина, Л. Кызласова и др. В концепциях В. Проппа, А. Лосева, М. Бахтина, А. Акишева, А. Суразакова и др. исследователей рассматривались вопросы мировоззренческих реконструкций архаичных обществ.

В рамках данного исследования также были использованы систематизированные данные такой мультидисциплинарной коэволюционной онтогенетической области

знаний, как историческое степеведение, которое, в свою очередь, связано с изучением «природных и культурно-исторических аспектов механизма формирования и развития степных континуумов, трансформации их в кочевнические империи, определением масштабов и форм их воздействия на ландшафтную среду. Анализ этих проблем основан на концепции «трех колонизаций», разработанной А. Чибилёвым и представителями его научной школы» [8].

В изучении мобильного жилища тюркских народов, на наш взгляд, целесообразно использование понятие культурного кода. Исходя из тезиса, что культурный код - «это отшлифованная веками исторического развития народа система уникальных архетипов, образов и ценностей, которые характеризуют его идентичность, менталитет и духовно-нравственные установки; именно культурный код определяет своеобразие национальной психологии, воздействующей на поступки и деятельность людей» [9], – в своем исследовании культурного кода традиционного мобильного жилища в горизонте понимания его как объекта мобильной архитектуры кочевников мы применили компонентный и сопоставительный принципы в окончательной схеме сравнительно-культурологического анализа.

Необходимо отметить, что глубинный смысл культурных традиций, реконструкция целостной картины мира, модели материальной среды тюркских народов предопределяет аутентичное рассмотрение культуры как некоего феномена их человеческого бытия, которое представляет собой некоторое пространство культуры, сложенное из опыта прошлого, осознания настоящего и прогнозирования будущего. Исследование «организованного» пространства культуры тюркских народов (в нашем случае - традиционного мобильного жилища) показало, что оно, как сосредоточение основных жизненных ценностей, имеет особые культурные смыслы и связанные с ними особые элементы семиотического плана, или культурные коды. Культурные коды здесь выступают в качестве информации, закодированной в определенной форме, позволяющей идентифицировать культуру того или иного народа. «Культурный код как набор основных понятий, установок, ценностей и норм (элемент психики человека) входит в структуру ментальности конкретной человеческой общности, позволяет перейти от значения (общепризнанного обозначения какого-либо предмета или явления) к смыслу (элементу языка конкретной культуры)» [10]. Данный тезис позволяет связать тот же принцип культурного кода и с мышлением древнего человека, с архетипическим мышлением.

Объектом нашего исследования было выбрано казахское традиционное мобильное жилище киіз үй (букв. пер. с казахского – «войлочный дом»), которое является «моделью жилого пространства в номадической культуре, исследование семантики геометрической пространственной параметризации юрты в данной работе может отразить матрицу архетипического мышления (сознания) номада. Казахская юрта как национальный архетип отражает особенности мира, мировоззрение народа и воплощает в себе идею порядка и целостности Вселенной... Юрта является символом жизненной традиции народа, прочно зафиксированного в национальном коде сознания. Юрта, являясь одной из древних форм жилища кочевников, воплощает сложный мировоззренческий комплекс. Геометрическая параметризация юрты в традиционном мировоззрении казахов определила и мировоззренческий опыт повседневного быта.

Можно с уверенностью сказать, что юрта как жилище была не только точно рассчитана и продумана с учетом быта кочевника, но и сам принцип и параметры ее построения, формы были отражением взглядов казахов на окружающий мир. Из вышеизложенного следует, что юрта для казахов являлась моделью и образом Вселенной – *Imagiomundi*, опосредованной особенностями мировоззрения кочевников» [11].

Матрицу архетипического мышления выстраивания культурных кодов в материальной культуре тюркских народов многие исследователи рассматривают через призму признаков культурного кода «территория, история, язык»:

применительно к понятию «территория» следующие аспекты анализа: геокультурный ландшафт или типология мест обитания (спектр факторов: природно-климатических, технических, экономических и экологических); хозяйственно-культурный тип (далее - ХКТ);

применительно к понятию «история» следующие аспекты анализа: история возникновения и развития традиционного мобильного жилища (периодизация: доиндустриальный (до XVIII в.); индустриальный (с XIX в.)); типы конструкции традиционного мобильного жилища (спектр конструктивных признаков: форма, способ внутренней планировки, способ зонирования, способ возведения, способ транспортировки, область применения);

применительно к понятию «язык» следующие аспекты анализа: этимология названия традиционного мобильного жилища; семантика традиционного мобильного жилища тюркских народов.

Таким образом, в культурном коде тюркских народов, связанного с проживанием человека в вещном мире, важнейшими признаками оказались пространство, географическое, локальное, связанное с жилищем; типы жилищ и история их эволюции; смысловые компоненты жилища. Понятие жилища в культуре кочевников в зависимости от образа жизни, типа хозяйствования делится на локальное, точечное и мобильное переносное. Понятия «локальное жилище» и «точечное жилище» ассоциируются с соответствующими понятиями «дом», «замок», «дворец», «резиденция» и т.п. в западной культуре и в культуре оседлых тюркских народов. Мобильное (переносное) жилище в тюркской культуре ассоциируется с понятиями «дом-повозка», «кош», «полевой лагерь», «шатер-ставка хана», «чум», «палатка», временная походная юрта, юрта киіз үй и др. Существует также точка зрения, когда в культуре тюрков сосуществует и локальное, и мобильное. Так, Э.Тенишев и А. Дыбо отмечают, что жилье – это собственно постройка как жилье, «большой дом» – постройка как жилье и неотъемлемо прилежащая к ней территория – двор с надворными постройками для стационарного жилища, родовая пастбищная территория или загон для жилища кочевого типа.» [12]. В пратюркском языке в значении «большого дома» было специальное слово *jūrt* для обозначения территории, прилегающей к жилищу; кочевому или оседлому – в зависимости от «основного» вида для носителей каждого языка.

Однако в данной статье мы рассматриваем юрту в различных вариантах, так как в качестве аналога было выбрано традиционное мобильное жилище древних автохтонных насельников Великой степи и казахского народа – киіз үй, одного из современных представителей тюркского этноса, чей общий прототюркский этно- и глоттогенез, историческая зона обитания и культурно-историческая общность были связаны с обширной областью евразийских степей.

Понятие «*территория*» в нашем исследовании связано, прежде всего, с географическими детерминантами зоны евразийских степей, которая представляет собой «широтный континентальный ландшафтный пояс Евразии с устойчивыми природно-климатическими параметрами и расположена между лесной зоной на севере и очаговыми песчаными и каменистыми пустынями на юге; подзона лесостепи на севере на выщелоченных черноземах и кустарничковые сухие степи и полупустыни на юге по физико-географическим, биогеографическим и историко-культурным критериям в онтологическом плане относятся к степной ойкумене» [8].

Как отмечают многие исследователи, евразийские степи были колонизированы именно скотоводами в период климатического оптимума (кон. VI – сер. IV тыс. до н.э.), которые постепенно стали особым антропогенным фактором ландшафтогенеза степей, регулирующим степную экосистему [13]. Позже, в Новое время, начиная с XVIII в. на формирование современного природного и культурно-исторического пространства Великих равнин Северной Евразии значительно повлияло земледельческое и агропромышленное освоение степей, и вплоть до XXI в.» [14].

Следующей волной скотоводческой (именно кочевой) колонизацией территории евразийских степей стал исторический период рубеж неолита и энеолита (VI-V тыс. до н.э.) и далее вплоть до ранней бронзы (сер. III тыс. до н.э.), который характеризовался массовым использованием колесных повозок, усиливших антропогенное влияние: «На протяжении нескольких тысячелетий вплоть до середины XVIII века история степных кочевых, полукочевых и земледельческих культур азиатских и европейских народов отличается динамизмом, довольно частыми миграциями этнических групп и сменами материальных культур. Социальной формой организации населения степей на протяжении второго этапа колонизации являлись континуумы кочевников, обладавшие трендом трансформации в кочевнические империи» [15].

В рамках нашего исследования рассматривался степной пояс Евразии, который состоит из таких естественно-географических и культурно-исторических секторов евразийской степной геосистемы, как Северо-Понтийский, Приазовско-Кубанский, Северо-Каспийский, Волго-Уральский, Центрально-Казахстанский, Северо-Казахстанский, Южно-Сибирский, Джунгарско-Монгольский. Именно для этих секторов характерны географические детерминанты: разные комбинации открытых ландшафтных объектов с преобладанием специфической засухоустойчивой растительностью (по Богданову).

К середине I тысячелетия н.э. (по Вайнштейну) сложился ХКТ освоения геокультурного ландшафта евразийских степей, поскольку закончился «процесс генезиса хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов, и он стабилизируется в своих классических формах. Этот период ознаменован достижениями в материальной и духовной культурах, означающими, что кочевой стиль достиг совершенства. В результате многовекового отбора и шлифовки под углом зрения максимальной практичности, компактности, прочности, легкости и удобства при постоянных переездах появились *мобильное жилище, сборно-разборная мебель, небьющаяся посуда, покрывала одежды, предназначенной для верховой езды*» [16].

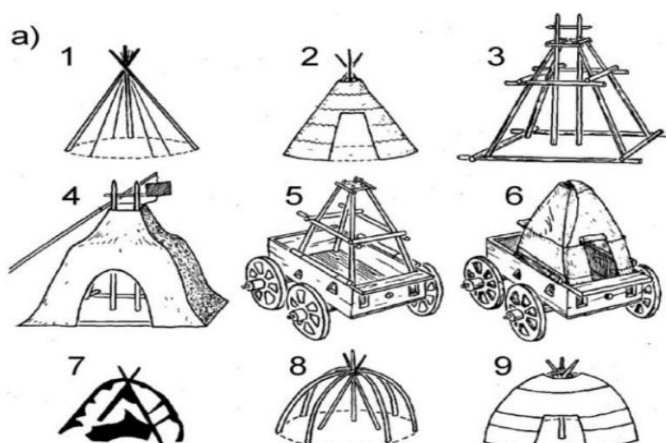
Результаты изысканий различных исследователей как бы подытоживают мнения двух казахстанских ученых С. Вайнштейна [17] и Н. Масанова [18], соответственно: «происходит диверсификация процесса этнизации, поскольку на этапе сформировавшегося кочевого

ХКТ распространение и развитие общеномадных хозяйственных и культурных стереотипов, конвергентно имевшее место в предшествующий период, достигло своего объективного предела, за порогом которого начинается в основном дивергенция и возрастание этнической специфики различных элементов культуры»; «иначе говоря, в течение 1-го тыс. до н. э. и первой половины 1-го тыс. н. э. в основном развивалось культурно-историческое единство, порождаемое в эпоху увлажнения спонтанным процессом генезиса номадизма на всем ареале Евразийских степей, полупустынь и пустынь умеренного пояса, т. е. происходило накопление этноинтегрирующих черт культуры, а социокультурная специфика проявлялась в отживающих свой век субстратных элементах, связанных с особенностями социально-экономического функционирования в каждом регионе».

С началом I-го тысячелетия до н.э. наступила эпоха освоения древним населением степного пояса Евразии новой формы хозяйственной деятельности – экстенсивного скотоводства в его различных формах. Переход к кочевому скотоводству означал крупный экономический прогресс в жизни племен и изобретением традиционного мобильного жилища, которое большинство исследователей связывают также и с древнетюркским периодом (с VII-III вв. до н.э. до II в. до н.э. –V в. н.э.): как исторический контекст появления и развития традиционного мобильного жилища [19]; как самые древние материальные памятники тюркоязычных народов, которые «относятся к дотюркским, пришлым народам в бассейн Верхнего и Среднего Енисея Саяно-Алтая и древнетюркским культурам» (по Вайнштейну и Кызласову). Следовательно, «историческое время изобретения чрезвычайно приспособленной к кочевому быту узкоспециализированной его формы – юрты следует отнести к середине I тысячелетия н.э.» [17]. (Рис.1 – Древние мобильные жилища) [20]:

Рисунок 1. – Древние мобильные жилища (по С.Вайнштейну)

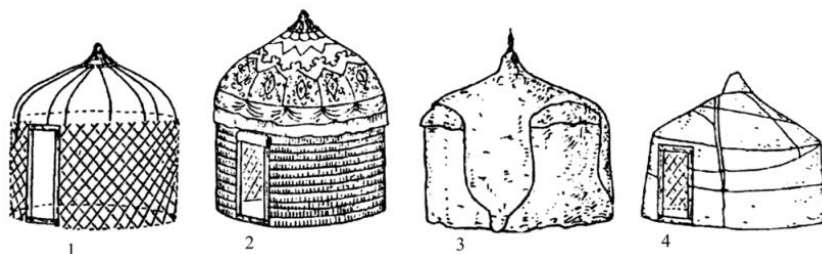
А) шалаши кочевников; 1,2 – конический шалаш; 3,4 – пирамидально-усеченный; 5,6 – пирамидально-усеченный на повозке; 7,8,9 – полусферический шалаш

Многие исследователи изобретение традиционного мобильного жилища характеризуют как существенное достижение культуры кочевников, которое знаменует собой переход от раннекочевнического к позднекочевническому этапу развития

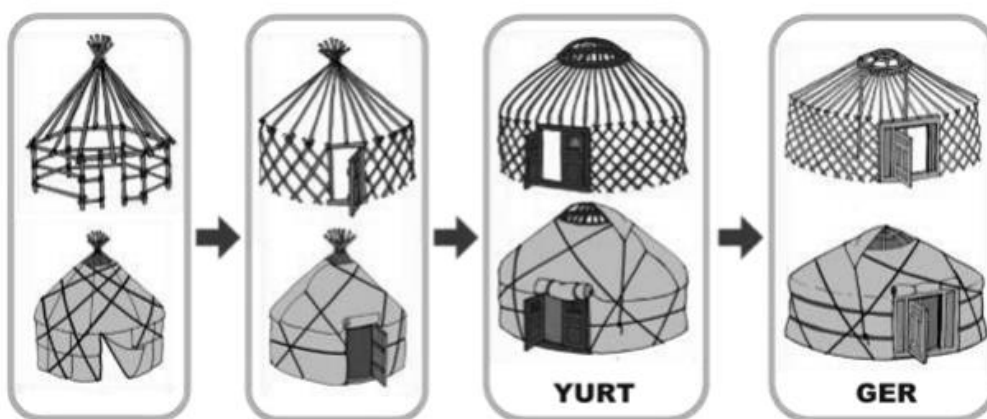
номадического сообщества евразийского степного пояса (Рис.2 – Юрты древнетюркского типа) [21]:

Рисунок 2. - Юрты древнетюркского типа: 1,2 – конца XIII – начала XIV в.;
3 – из Эджен-хоро (Монголия); 4 - хазарейцев

«Древние кочевые инженеры и архитекторы должны были решить нелегкую проблему баланса между надежностью и комфортом их переносных жилищ, с одной стороны, и легкостью, и простотой их изготовления, ремонта, перевозки и установки, с другой. Результатом четырех тысячелетий народного «research and development» стал решетчатый каркас юрты с его внешним войлочным покрытием. Данное решение поистине является вершиной кочевой архитектуры, проверенное временем.» (Рис.3 – Варианты эволюции юрты (тюркская) и гэра (монгольская)) [20]:

Рисунок 3. - Варианты эволюции юрты (тюркская) и гэра (монгольская)
(по Зайберту (2011) и Самойлову (2004))

Отмечая исторически сложившуюся типологию объектов традиционной мобильной архитектуры кочевников, можно выделить основные признаки их классификации:

– *конструкция формы жилища* (шатровые, купольные, конусообразные).

Для нашего исследования немаловажен аспект конструкции формы мобильного жилища, которая раскрывает мифологическое разворачивание внутреннего пространства юрты: «... мир юрты, его обстановка и вещи заключают в себе целый пантеон образов и представлений, в котором отражалась духовная жизнь кочевника, где творчество и жизнь сливаются в едином и безграничном потоке и где объемно-пространственная композиция

подчеркивается системой декора, преимущественно с использованием резного дерева и узорных материалов. Горизонтальное членение зрительно просматривается во всей конструкции юрты. Систему декора во внутреннем убранстве можно разделить условно на три яруса: круговое навершие купола юрты – шанырак, украшение стен и напольное оформление» [22].

– способ внутренней планировки или функционального зонирования с включением социально-функционального и гендерного аспектов, который отражает социальную сторону отношений внутри семьи и рода: «Юрта у казахов ... строго ориентирована по странам света, причем вход, по древней традиции тюркских народов, направлен на восток. Отсюда и принцип деления юрты на семантические оппозиции по горизонтальной оси: северный – южный, верхний – нижний, мужской – женский, правый – левый, почетный – непочетный» (там же).

«Правая, «мужская» сторона – сакральная часть юрты, она обычно обозначена вертикалью бакана – длинным шестом, знаменующим, по древним представлениям, мировую ось и соединяющим «верх» дымовое отверстие, шанырак и «низ», землю. Это место проведения обрядов, отмечающих наиболее важные, ключевые этапы жизненного цикла, более всего связано с идеей ритуального перехода (свадебные обряды, роды, обмывание и обряжение усопшего)».

«Левая, «женская» сторона – хозяйственная часть юрты – маркируется кроватью, отделенной занавесью... и наборами предметов быта и домашнего обихода» (там же).

Более расширенное описание функционального зонирования юрты, связанное с процессом ее монтажа и особенностями конструктива, принадлежит К. Мелеховой [23]: «Символичным для казахской юрты был троичный цикл ее сборки и разборки. Последовательно устанавливались решетчатый остов (кереге) – земля, жерди (уык) – лучи солнца и круглое навершие юрты (шанырак) – солнце. Деление на три сохраняется и во внешнем оформлении юрты. Войлочное покрытие состоит из трех частей, трех видов полотен, различных по своим размерам и формам. Юрта покрывается снаружи, снизу у основания, туырлыком, сверху шанырака – тундуком, соединяет их узик. Внутри она делится на три части: околodверную, срединную и төр, высшую точку в юрте. Так, троичность архитектоники юрты моделирует вертикальную трехъярусную структуру Вселенной (так называемые верхний, средний и нижний мир). Верх ее – небесный купол, края окружности – горизонт. Нижний, средний и верхний миры часто описываются в казахском фольклоре. Внутреннее пространство юрты обозначено смысловыми границами. Территория около двери называется босага (порог) – сакральный рубеж дома и внешнего мира. Центр – отау, очаг, дастархан является символ семейного счастья, почитается казахами как святое место своего жилища. Напротив входа за очагом находится самое почетное место для гостей, заслуженных людей, старейшин семьи – төр».

– способ возведения (сборно-разборные, складные, складчатые, объемные).

«В степи существовали сборно-разборные юрты различных назначений и вместимости – от небольших жилых до огромных кочевых храмов и юрт-дворцов. В зависимости от географических условий, главным образом от количества осадков, изменялся и внешний вид юрты. Жилище могло иметь сферическую или коническую форму. Таким образом, можно выделить два типа юрты – монгольский и тюркский. Разница между ними

заключается в том, что у первого крыша имеет форму низкого конуса, у второго - купола. Отличием этих двух типов юрт является купольная жердь – уук, которая образует купол юрты. В тюркской юрте уук имеет изгиб, вес купола благодаря изгибу уука переносится на стенку юрты, которое тоже имеет изгиб, что усиливает ребро жесткости. Благодаря изогнутости жердей кровли в тюркской юрте получается купольный свод, что позволяет не ставить опорные столбы и освободить внутреннее пространство. В монгольской юрте нет изгиба, поэтому основная нагрузка приходится на центр юрты и поэтому в центре юрты ставятся столбы, на которых опирается светодымовой обруч, поддерживаемый прямыми жердями. Монгольская юрта проста в обращении, за счет столбов конструкция ставится легче, хотя тяжело в перевозке. Кроме этого отличия существует и ряд других отличий и особенностей как между этими типами, так и внутри них. Тюркский тип юрты используется кыргызами, казахами и туркменами, а монгольский тип используют практически все остальные кочевые народы - это монголы, буряты, калмыки и тувинцы. Таким образом, юрта и ее убранство в материальной культуре народов Центральной Азии имеют единый генетический корень, и лишь особенности исторического развития каждого народа внесли некоторые различия в их жилище и убранство.» [24].

– *способ транспортировки* (перевозные, самоходные, плавучие).

Транспортная культура тюркских народов уходит своими корнями в пратюркскую и древнетюркскую эпохи и связаны с кочевым-полукочевым образом жизни. В традиционной жизнедеятельности у тюркских народов существовали сухопутные и водные транспорты, приспособленные где к горно-степным, где к горно-таежным условиям региона.

Сравнительный анализ традиционных средств передвижения выявляет сухопутные вьючно-верховые, упряжные (сани, телеги, повозки для жилищ), полозные (лыжи, ручные нарты), водные - лодки, плоты. «Генезис колесного и полозного видов транспорта в Южной Сибири восходит к бронзовой эпохе (середина II тыс. до н.э.) и средневековью» [25].

– *область применения* (административные (ханы, султаны и др.), жилые, хозяйственные (для приготовления пищи и хранения продовольствия), культовые, представительские, (гостевые, «отау» для молодоженов и др.).

Основной базой эволюционного развития традиционного мобильного жилища тюркских народов является его адаптируемость к природно-климатическим условиям, наличию местных конструкционных материалов, целесообразности возведения, качеству и количеству трансформации в процессе его эксплуатации. Классический пример: «среднеазиатская юрта – идеально приспособленное жилище для кочевой жизни тюркских народов: жердевый каркас позволял легко монтировать, демонтировать и без особых трудностей перевозить юрту; войлочное покрытие удовлетворяло требованиям теплозащиты, было легко заменяемым и имело высокую степень транспортной деформативности» [26].

Применительно к понятию «язык» мы исходили из тезиса, что оно является элементом синтеза языка и культуры: «Язык – дом бытия» [27].

По сути дела, познавая бытие, основными видами которого являются *материальное* и *идеальное* бытие, исследователь вступает в диалог с языком. Хайдеггер называл этот процесс «помыслить язык». В нашем исследовании мы опирались на классическую философию бытия, где материальное бытие определено физическим, природным

миром и миром вещей, созданных человеком (или вещной, предметной культурой); идеальное – духовным миром, миром сознания, миром идей. Отсюда тезис, что казахская юрта (киіз үй) как один из основных элементов предметной культуры представляет собой текстуальное содержание материальной традиционной культуры, как артефакт или продукт культурной деятельности человека, искусственно созданный объект, и представляет собой материальный носитель социоэтнокультурной информации. Киіз үй как текст позволяет рассмотреть возможности анализа этнокультурного кода в рамках лексико-семантических особенностей тематической группы наименований жилищ традиционной юрты тюркских народов, некоторые из них которые собраны в Таблице 1:

Таблица 1. – Наименования мобильного/переносного жилища на основании реконструкции праязыкового состояния (по Тенишеву и Дыбо) [12].

Тюркский язык	Номинация «дом» (мобильное/переносное жилище) и его виды	Этнографические особенности
казахский	киіз үй; kijiz üj «юрта, жилище» otaw «юрта молодых, отделившаяся семья»; šatyr «шатер», «палатка» qos «маленькая походная временная юрта» laşuq «лачуга»	высокая, купольная, с обширной семантической символикой функциональных зон (гендер, почетное место и др.) и отдельных конструктивов (дверь, шанырак)
кыргызский	кийизүй; üj «юрта, жилище» koş «временная походная юрта», «полевой лагерь» otoo «юрта для новобрачных», «походная юрта на летовке»	напоминает казахскую юрту; схожесть обрядовых традиций, связанных с функциональными зонами юрты; особенности этнодизайна
узбекский	Oara uj «войлочная юрта» otow «кочевая кибитка»	во многом схожи с казахской, отличие заключалось в отдельных деталях внутреннего и внешнего убранства
тувинский	ög; alažu ög «конусообразная юрта» odag «охотничий стан, бивак» alažu «чум, жердь чума» кош «караван, обоз»	символический ряд конструктива юрты связан с элементами природы: дымовое отверстие (хараача) – это солнце, палки (ынаа) – солнечные лучи, решетчатые стены (хана) – горы и хребты
хакасский	иб «юрта, дом» отaх «шалаш, бивак» алачыхиб «конусообразный шалаш»	особая форма юрты – деревянная срубная, которая олицетворяет собой конструктивную внешнюю
		преемственность с традиционной юртой народов тюркского мира, но имеющей свои автохтонные особенности, связанные с ассоциацией «храм коня»

якутский	сурт «жилище, стойбище» дьиэ; ураһа «уютное жилье, усадьба», «большой конический ... балаган» ыал «дом, хозяйство, переносное или летнее жилье» хоспох, хос «пристройка или комната»	своеобразие якутской архитектуры – берестяная ураса – многогран- ная коническая постройка, крытая берестой
башкирский	Jort «юрта» satyr «шатер», «палатка» alasyq «лачуга» quwyş «шалаш»	основные цвета юрты – чаще всего оттенки серого цвета, белый (торже- ственный, гостевой), темно-корич- невый или черный (цвета натураль- ной овечьей шерсти). Установление юрты требует уважения к Природе, соблюдения норм гармонии, не навязывания себя миру среды, а органичного включения в нее. Свободное использование сразу 2-х типов юрт: тюркской и монгольской
туркменский	öj «кибитка» gara öj «кибитка» alaža «палатка из пестрой материи» orača «палатка из верхней части юрты»	своеобразие в сакрализации юрты: деревянные части старого жилища нельзя уничтожать или использо- вать в качестве топлива. Их отвози- ли к святому месту и там оставляли.
ногайский	ïj «юрта», «жилище» termeüj «кибитка, войлочный шатер» kos «временная юрта, шалаш, палатка» otaw «маленькая походная юрта»	два основных типа мобильного жилища: сборно-разборная терме; на повозке – отав; внутреннее про- странство юрты связано с 12-лет- ним циклом мушел

Согласно результатам историко-семантического анализа, приведенного в вышеуказанной монографии, значения лексем-названий определенных типов построек, используемых как переносное жилище имеют следующие характеристики: «... следует различать тип «палатка» (или «чум») (каркасное жилище, в котором не выделена крыша) и тип «юрта» (высокотехнологичное каркасное жилище с четким выделением каркаса стен и каркаса крыши).

В результате проведенного эмпирического исследования мы пришли к выводу, что традиционное мобильное жилище тюркских народов есть организованное пространство, которое представляет собой континуум универсальной модели с системой культурных смыслов, что, в свою очередь, означал широкий круг понятий: место, где родился; семья; место защиты; место-источник и трансляции жизненно важной информации об окружающих людях, вещах, природе. Поэтому выверенная сбалансированность практических и символических функций традиционного мобильного жилища тюркских народов дает основание подчеркнуть особую роль такого жилища как основополагающего элемента материальной тюркской культуры.

Философская триада «человек-вещь-природа» на основе сравнительно-культурологического анализа позволяет определить традиционное мобильное жилище тюркских

народов как особую информационную модель с несколькими *составляющими*, которые лежат в основе культурного кода: *географические детерминанты территории* (степь, простор – власть над пространством, мобильность); *история* (героический тип культуры, свободное взаимодействие с окружающими культурами, самобытность); *язык* (универсальность, коллективизм, толерантность).

Заключение

Мобильное жилище тюркских народов являлось результатом пересечения двух важнейших форм их традиционной культуры (материальной и духовной) в организации поселений, жилища, ритуальных и хозяйственных построек, что позволяет составить представление об общей мировоззренческой системе взглядов и понятий тюркских народов. Традиционное жилище является ключевым аспектом вещественной культуры как таковой, а самобытность жилища каждого тюркского народа проявлялась через особенности внешнего декора и интерьера, через своеобразие символики и этнической мифологизации.

Культурный код, заложенный в традиционном мобильном жилище, выступает как ценностная матрица, состоящая из понятий, которые на разных тюркских языках становятся инструментами соотнесения информации с определенной символикой, позволяющей перейти от значения к смыслу. Эти понятия обладают такими характеристиками, как универсальность, культурная преемственность, историческая детерминированность, информативность в плане передачи памяти о содержании ценностей традиционной культуры и ее смыслов, более того, позволяет структурировать мироустройство Вселенной, иными словами «картину мира».

Единый генетический код, заложенный в традиционном мобильном жилище как одном из главных маркеров вещной культуры тюркских народов заключается в почти одинаковой этнознаковой системе традиционного мобильного жилища, опирающейся, в свою очередь, на модель и образ окружающего мира, которые последовательно заложены и конструкции, и в предметном наполнении, и в истории эволюции мобильного жилища тюркских народов. Такие понятия для выстраивания культурных кодов в материальной культуре, как территория, история и язык, позволяют констатировать, что культурный код традиционного мобильного жилища, представляющего собой динамичную дискретную систему, вариативен и трансформируется от поколения к поколению. Необходимо отметить, что такая трансформация культурного кода традиционного мобильного жилища является как бы обратной стороной его устойчивости, поскольку исторический феномен мобильного жилища тюркских народов остается непреходящим и в современном мире.

Список литературы

1. Иткулова, Л.А. Мировоззрение этноса как социокультурное явление: философский анализ. Доступно по ссылке: <https://www.dissercat.com/content/mirovozzrenie-etnosa-kak-sotsiokulturnoe-yavlenie-filosofskii-analiz> (дата обращения: 06 января 2025 г.).

2. Крадин, Н.Н. (1995) Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии, Цивилизации. Москва: Наука, 3, стр. 164-179.
3. Цивьян, Т.В. (1978) Дом в фольклорной модели мира, Труды по знаковым системам. Тарту, 10, стр. 65-85.
4. Маргулан, А.Х. (1959) Архитектура древнего периода, Архитектура Казахстана. Алма-Ата, с.189.
5. Рагулина, М.В. (2005) Культурная география: Теории, методы, региональный синтез: диссертация на соискание доктора географических наук. Иркутск, с. 341. Доступно по ссылке: <http://www.dslib.net/econom-geografia/kulturnaja-geografija-teorii-metody-regionalnyj-sintez.html> (дата обращения: 12 декабря 2024 г.).
6. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов (1998). Очерки теории и истории. Алматы: Гылым, с. 234.
7. Аязбекова, С. «Тюркская цивилизация» в системе цивилизационных классификаторов. Доступно по ссылке: <http://www.viaevrasia.com/ru/тюркская-цивилизация-в-системе-цивилизационных-классификаторов-сабина-аязбекова.html> (дата обращения: 12 декабря 2024 г.).
8. Богданов, С.В., Авраменко, С.В. Историческое степеведение в системе географических наук, Институт степи Уральского отделения РАН. Доступно по ссылке: <https://orensteppe.org/content/istoricheskoe-stepevedenie-v-sisteme-geograficheskikh-nauk> (дата обращения: 26 декабря 2024 г.).
9. Бабосов, Е.М. (2016) Культурный код нации: сущность и особенности, Наука и инновации, 3 (157), стр. 48–50.
10. Меркулова, Н.Г. (2015) Менталитет – культурный код – язык культуры: к вопросу корреляции понятий, Научный журнал «Регионоведение», №2 (91). Доступно по ссылке: <https://cyberleninka.ru/article/n/mentalitet-kulturnyy-kod-yazyk-kultury-k-voprosu-o-korrelyatsii-ponyatiy> (дата обращения: 26 декабря 2024 г.).
11. Кемельбекова, Э.А., Бухарова, Г.Х. (2023) Культурный код: интерпретация геометрической пространственной параметризации юрты, ИЗВЕСТИЯ КазУМОиМЯ имени Абылай хана, серия «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ», 1 (68), стр.117-118.
12. СИГТЯ (2006) Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. Москва: Наука, с. 908.
13. Чибилёв, А.А. (2010) Историческое степеведение как особая отрасль знаний, Проблемы геоэкологии и степеведения. Екатеринбург: УрО РАН, 2, стр. 17-25.
14. Кушкумбаев, С. Центральноазиатская интеграция в контексте истории и геополитики. Доступно по ссылке: https://ca-c.org.ru/journal/1998/16-1998/st_04_kushkumb.shtml (дата обращения: 26 декабря 2024 г.).
15. Чибилёв, А.А., Богданов, С.В., Сдыков, М.Н. (2011) Феномен историко-географического континуитета кочевнических империй Евразийских степей, Geography. Environment. Sustainability, 2, стр. 72-84.
16. Гахраманов, Г.Н. Юрты древних и современных тюркских народов. Доступно по ссылке: <https://www.calameo.com/read/00226403756cbdfebe1b4> (дата обращения: 26 декабря 2024 г.).
17. Вайнштейн, С.И. (1976) Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии, Этнографическое обозрение, стр. 42-62. Доступно по ссылке: https://eo.iea.ras.ru/wp-content/uploads/1976/04/eoarchive_1976_4_042_vainshtein.pdf (дата обращения: 26 декабря 2024 г.).

18. Масанов, Н.Э. (1995) Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы. Москва: «Горизонт», с. 320.
19. Кызласов, И.Л. (2005) Пратюркские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. Москва: Самара, с. 96.
20. Қазақстан архитектурасы (2012). Архитектура Казахстана. Алматы: «Өнер» баспасы, 8, б. 192.
21. Вайнштейн, С.И. (1991) Мир кочевников Азии. Москва: Наука, с. 296.
22. Жукенова, Ж.Д. (2011) Горизонтальный план в структуре традиционного казахского жилища – юрта Доступно по ссылке: <https://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-kemerovskogo-gosudarstvennogo-universiteta-kultury-i-iskusstv?i=999098> (дата обращения: 16 января 2025 г.).
24. Мамытова, А.Б., Султаналиева, Н.И. (2021) Исторические предпосылки формирования жилища кочевников, Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность, материалы II Международного алтаистического форума. Барнаул: Алтайский университет, с.504.
25. Кыржинаков, А.А. (2020) Традиционные средства передвижения тюркских народов Саяно-Алтая в XIX-XX вв., Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая – World of Great Altay, 6 (1), стр. 729-745.
26. Панфилов, А.В. Особенности формирования мобильного жилища для временного пребывания. Доступно по ссылке: <https://www.dissercat.com/content/osobennosti-formirovaniya-mobilnogo-zhilishcha-dlya-vremennogo-prebyvaniya> (дата обращения: 26 декабря 2024 г.).
27. Хайдеггер, М. (1983) Цит. По: Философский энциклопедический словарь. Москва, с. 753.

Г.О. Ибраева

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Түркі халықтарының дәстүрлі баспанасы генезисінің мәселесі

Аңдатпа. Мақалада кез келген этностың өздік ұйымдасуының негізі болып табылатын мәдениеттің құндылық мазмұны арқылы тарихи этнология шеңберінде түркі халықтарының дәстүрлі баспана генезисінің теориялық және әдіснамалық мәселелерін мәдени тұрғыдан зерттеуге әрекет жасалған.

Мақалада біртұтас мәдени кодтың жалпы семантикалық элементтерін анықтау әрекеті ретінде әртүрлі кезеңдегі археологиялық және этнографиялық зерттеулерден алынған ашық тарихи деректерді салыстырмалы-мәдени талдау негізінде түркі халықтарының дәстүрлі жылжымалы баспаналарының ортақ мәдени кодының қысқаша сипаттамасы берілген.

Аналог ретінде Ұлы Даланың ежелгі автохтонды тұрғындарымен ертетүркілік этно - және глоттогенезі, тарихи мекендеу аймағы және мәдени-тарихи ортақтығы Еуразиялық даланың кең аумағымен байланысты болған түркі этносының қазіргі заманғы өкілдерінің бірі – қазақ халқының дәстүрлі жылжымалы баспанасы – киіз үйі қарастырылған.

Түйін сөздер: дәстүрлі жылжымалы баспана, семиозис, мәдени код, мәдени құндылықтар, ұлттық архетиптер, мәдениет кеңістігі.

G.O. Ibrayeva

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

On the issue of genesis of the traditional dwelling of Turkic peoples

Abstract. The article attempts to illuminate culturologically the theoretical and methodological genesis issues of Turkic traditional dwelling within the framework of historical ethnology through the value content of culture, which is the basis of self-organisation of any ethnos.

The article contains a brief descriptions of the cultural code of traditional Turkic mobile dwellings on the basis of comparative-cultural analysis of open historical data obtained as a result of archaeological and ethnographic studies of different times with the aim to find common semantic elements of a unified cultural code.

The traditional mobile dwelling of the ancient autochthonous inhabitants of the Great Steppe and the Kazakh people - *kiiz uy*, one of the modern representatives of the Turkic ethnos, whose common proto-Turkic ethno- and glottogenesis, historical zone of habitation and cultural-historical community were connected with the vast area of the Eurasian steppes, was chosen as an analogue.

Keywords: traditional mobile dwelling, semiosis, cultural code, cultural values, national archetypes, cultural space.

References

1. Itkulova, L.A. Mirovozzrenie jetnosa kak sociokul'turnoe yavlenie: filosofskij analiz. Dostupno po ssylke: <https://www.dissercat.com/content/mirovozzrenie-etnosa-kak-sotsiokulturnoe-yavlenie-filosofskii-analiz> (data obrashheniya: 06 yanvarya 2025 g.). [in Russian]
2. Kradin, N.N. (1995) Kochevnichestvo v civilizacionnom i formacionnom razvitii, *Civilizacii*. Moskva: Nauka, 3, str. 164-179. [in Russian]
3. Civ'yan, T.V. (1978) Dom v fol'klornoj modeli mira, *Trudy po znakovym sistemam*. Tartu, 10, str. 65-85. [in Russian]
4. Margulan, A.H. (1959) Arhitektura drevnego perioda, *Arhitektura Kazahstana*. Alma-Ata, s.189. [in Russian]
5. Ragulina, M.V. (2005) Kul'turnaja geografija: Teorii, metody, regional'nyj sintez: dissertaciya na soiskanie doktora geograficheskikh nauk. Irkutsk, s. 341. Dostupno po ssylke: <http://www.dslib.net/econom-geografia/kulturnaja-geografija-teorii-metody-regionalnyj-sintez.html> (data obrashheniya: 12 dekabrya 2024 g.). [in Russian]
6. Tradicionnaya kul'tura zhizneobespecheniya kazahov (1998). *Ocherki teorii i istorii*. Almaty: Gylym, s. 234. [in Russian]
7. Ayazbekova, S. «Tjurkskaja civilizacija» v sisteme civilizacionnyh klassifikatorov. Dostupno po ssylke: <http://www.viaevrasia.com/ru/tjurkskaja-civilizacija-v-sisteme-civilizacionnyh-klassifikatorov-sabina-ajazbekova.html> (data obrashheniya: 12 dekabrya 2024 g.). [in Russian]
8. Bogdanov, S.V., Avramenko, S.V. Istoricheskoe stepevedenie v sisteme geograficheskikh nauk, Institut stepi Ural'skogo otdelenija RAN. Dostupno po ssylke: <https://orensteppe.org/content/istoricheskoe-stepevedenie-v-sisteme-geograficheskikh-nauk> (data obrashheniya: 26 dekabrya 2024 g.). [in Russian]

9. Babosov, E.M. (2016) Kul'turnyj kod nacji: sushhnost' i osobennosti, Nauka i innovacii, 3 (157), str. 48–50. [in Russian]
10. Merkulova, N.G. (2015) Mentalitet – kul'turnyj kod – jazyk kul'tury: k voprosu korrelyatsii ponyatij, Nauchnyj zhurnal «Regionovedenie», №2 (91). Dostupno po ssylke: <https://cyberleninka.ru/article/n/mentalitet-kulturnyy-kod-yazyk-kultury-k-voprosu-o-korrelyatsii-ponyatij> (data obrashhenija: 26 dekabrja 2024 g.). [in Russian]
11. Kemel'bekova, Je.A., Buharova, G.H. (2023) Kul'turnyj kod: interpretacija geometricheskoj prostranstvennoj parametrizacii jurty, IZVESTIJa KazUMOiMJa imeni Abylaj hana, serija «FILOLOGICHESKIE NAUKI», 1 (68), str. 117–118. [in Russian]
12. SIGTJa (2006) Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Pratyurkskij jazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo jetnosa po dannym jazyka / otv. red. Je.R. Tenishev, A.V. Dybo. Moskva: Nauka, s. 908. [in Russian]
13. Chibiljov, A.A. (2010) Istoricheskoe stepevedenie kak osobaja otrasl' znaniy, Problemy geojekologii i stepevedenija. Ekaterinburg: UrO RAN, 2, str. 17–25. [in Russian]
14. Kushkumbaev, S. Central'noaziatskaja integracija v kontekste istorii i geopolitiki. Dostupno po ssylke: https://ca-c.org.ru/journal/1998/16-1998/st_04_kushkumb.shtml (data obrashhenija: 26 dekabrja 2024 g.). [in Russian]
15. Chibiljov, A.A., Bogdanov, S.V., Sdykov, M.N. (2011) Fenomen istoriko-geograficheskogo kontinuiteta kochevnicheskikh imperij Evrazijskikh stepej, Geography. Environment. Sustainability, 2, str. 72–84. [in Russian]
16. Gahramanov, G.N. Jurty drevnih i sovremennyh tjurkskih narodov. Dostupno po ssylke: <https://www.calameo.com/read/00226403756cbdfbe1b4> (data obrashhenija: 26 dekabrja 2024 g.). [in Russian]
17. Vajnshtejn, S.I. (1976) Problemy istorii zhilishha stepnyh kochevnikov Evrazii, Jetnograficheskoe obozrenie, str. 42–62. Dostupno po ssylke: https://eo.iea.ras.ru/wp-content/uploads/1976/04/eoarchive_1976_4_042_vainshtein.pdf (data obrashhenija: 26 dekabrja 2024 g.). [in Russian]
18. Masanov, N.Je. (1995) Kochevaja civilizacija kazahov: osnovy zhiznedejatel'nosti nomadnogo obshhestva. Almaty. Moskva: «Gorizont», s. 320. [in Russian]
19. Kyzlasov, I.L. (2005) Pratyurkskie zhilishha. Obsledovanie sajano-altajskikh drevnostej. Moskva: Samara, s. 96. [in Russian]
20. Kazakstan arhitekturasy (2012). Arhitektura Kazahstana. Almaty: «Өнер» baspasy, 8, s. 192. [in Russian]
21. Vajnshtejn, S.I. (1991) Mir kochevnikov Azii. Moskva: Nauka, s. 296. [in Russian]
22. Zhukonova, Zh.D. (2011) Gorizontal'nyj plan v strukture tradicionnogo kazahskogo zhilishha – jurta Dostupno po ssylke: <https://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-kemerovskogo-gosudarstvennogo-universiteta-kultury-i-iskusstv?i=999098> (data obrashhenija: 16 janvarja 2025 g.). [in Russian]
24. Mamytova, A.B., Sultanalieva, N.I. (2021) Istoricheskie predposylki formirovanija zhilishha kochevnikov, Tjurko-mongol'skij mir Bol'shogo Altaja: istoriko-kul'turnoe nasledie i sovremennost', materialy II Mezhdunarodnogo altaisticheskogo foruma. Barnaul: Altajskij universitet, s. 504. [in Russian]
25. Kyrzhinakov, A.A. (2020) Tradicionnye sredstva peredvizhenija tjurkskih narodov Sajano-Altaja v XIX-XX vv., Ylken Altaj әlemi – Mir Bol'shogo Altaja – World of Great Altay, 6 (1), str. 729–745. [in Russian]

26. Panfilov, A.V. Osobennosti formirovaniya mobil'nogo zhilishha dlja vremennogo prebyvaniya. Dostupno po ssylke: <https://www.dissercat.com/content/osobennosti-formirovaniya-mobilnogo-zhilishcha-dlya-vremennogo-prebyvaniya> (data obrashheniya: 26 dekabrya 2024 g.). [in Russian]

27. Hajdegger, M. (1983) Cit. Po: Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'. Moskva, s. 753. [in Russian]

Сведения об авторе:

Ибраева Г.О. – PhD докторант, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Ибраева Г.О. – PhD докторант, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан.

Ibraeva G.O. – PhD doctoral student, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

Copyright: © 2025 by the authors. Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY NC) license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).